

К большому сожалению, это громкое заявление стоило бы взять в кавычки — его услышали почти все присутствующие, включая Жуань Наньшу.

Все видели, как взгляд Наньшу, полный ожиданий в начале, постепенно гас. Никто не знал, что сказать, чтобы хоть как-то его утешить.

Прождав еще полчаса и так никого не дождавшись, Наньшу спокойно предложил остальным идти в забронированный караоке-зал — не было смысла заставлять их ждать вместе с ним. Большинство поначалу не соглашалось, но, видя решительный настрой Наньшу, решили, что между ними что-то произошло, однако спросить об этом никто не осмелился. Пришлось им, ведомым Шуанцзы, отправиться вперед — не хотелось разочаровывать Наньшу, который так старался устроить этот вечер.

Наньшу остался ждать в одиночестве.

— Шушу, он такой бессовестный! Ты его пригласил, а он не пришел. Явно же не хотел, зачем тогда говорить — посмотрим, — возмущался Сяо Туаньцзы.

— Ничего страшного. На самом деле, я ожидал, что так и будет, — ответил Наньшу.

Лишь немного хуже, чем я себе представлял, — добавил он про себя.

Он знал, что лучший способ разорвать эмоциональную связь с человеком — это постепенно отдаляться, а лучше и вовсе прекратить всякое общение. Однако он не ожидал, что Гу Цзяньфань поступит настолько прямолинейно. В душе возникло необъяснимое чувство грусти. Но этого не должно быть — ведь он его совсем не любит.

Погружаясь в свои мысли, Наньшу машинально начал есть острый хого, который стоял перед ним. Это блюдо, которое ни он сам, ни оригинал никогда не пробовали. Оригинал не переносил острое: после того как тот повредил связки, такая пища стала ему противопоказана. Каждый раз, когда он съедал что-то острое, у него начинало болеть горло, а затем и желудок — об этом знали все близкие. То же самое было и с Жуань Наньшу, тем более что сейчас он находился в теле оригинала.

С каждым кусочком слизистая рта и горла получали нестерпимое раздражение, но Наньшу, словно лишенный чувств, продолжал запихивать в себя еду.

— Шушу, не ешь больше!

— Почему нет? Не стоит переводить продукты.

Сяо Туаньцзы не понимал, что происходит. Глядя на состояние Наньшу, он сам чувствовал невыносимую боль и невольно начал винить объект задания. Но малыш не знал, что Наньшу

делал это вовсе не из-за того, что Гу Цзяньфань не пришел. Он просто пытался заглушить душевную боль. Уже давно он научился использовать физическую боль, чтобы подавлять внутренние колебания. Он знал, что это патология, но ничего не мог с собой поделать.

Возможно, он считал, что доброта Гу Цзяньфана — это предел того, что он может принять, а всё остальное было бы неуважением к самой миссии. Он всегда был эгоистом и прекрасно усвоил истину: прежде чем полюбить другого, нужно полюбить себя. Он не знал, почему выбрали именно его, знал лишь одно: выполнив задание, он вернет себе полные воспоминания и проживет жизнь заново. Он хотел знать, кем был тот знакомый силуэт, который всплывал в его сознании в каждом мире, но еще больше он хотел обладать здоровым телом и прожить жизнь в свое удовольствие.

Конечно, за долгий путь выполнения заданий он не мог не испытывать сострадания. Но он прекрасно понимал, что не останется ни в одном из миров навсегда, чтобы провожать кого-то в последний путь. Он лишь выполнял свою задачу в отведенное время и проживал жизнь оригинала, а всё остальное — лишь воспоминания, которые он оставит в этом мире. А больше всего на свете он ненавидел, когда его забывают.

Не прошло и четверти часа, как желудок Наньшу начал ныть от боли. Превозмогая страдания, он расплатился, собрал вещи и медленно вышел из ресторана. Он отправил сообщение остальным, что уходит домой и чтобы они продолжали веселиться. Шуанцзы, который уже было собрался вернуться в ресторан, чтобы проведать Наньшу, увидев сообщение, развернулся обратно.

— Он ушел.

— Понял.

Шуанцзы не знал, что сказать Гу Цзяньфаню. Он понимал, что такой метод решения проблемы ужасен и несправедлив по отношению к Наньшу, но не имел права вмешиваться — он знал, что Гу Цзяньфань чем-то обеспокоен.

— Шушу, кто-то идет за тобой следом.

— Я знаю.

Наньшу давно почувствовал, что Гу Цзяньфань пришел, просто тот не показывался ему на глаза. Чувствуя, что состояние ухудшается, Наньшу не обращал внимания на того, кто прятался в тени. Завернув в аптеку, он купил обезболивающее, запил его водой и понадеялся, что это хоть немного облегчит его участь.

Но стоило ему войти в переулок, через который пролегал путь домой, как боль стала нестерпимой, и он рухнул на землю. Время еще не вышло, лекарство не успело подействовать — он явно переоценил выносливость этого тела.

Человек, прятаясь в тени, увидев, как Наньшу упал, едва не бросился на помощь, но в последний момент сдержался.

— Мерзавец! — не выдержал Сяо Туаньцзы.

Малыш следил за этим человеком с того самого момента, как заметил его, боясь, что тот причинит Наньшу вред, но оказалось, что это старый знакомый. Видя поведение Гу Цзяньфана, он не сдержал ругательств.

Наньшу, услышав это, невольно улыбнулся.

— Ты даже такие слова знаешь?

— Шушу, не смейся! Тебе больно?

— Всё в порядке, всё хорошо.

Наньшу не видел, как ужасно он сейчас выглядит: губы пересохли и побелели, на бледных щеках выступил холодный пот, а пряди волос, прилипшие ко лбу, делали его облик болезненно хрупким.

— Посмотрю, когда он наконец выйдет.

Гу Цзяньфан балансировал на грани. Он ведь обещал себе, что будет постепенно отдаляться, но сердце не выдержало. Пока он колебался, случилось непредвиденное. Состояние Наньшу стало еще хуже: он схватился за живот, свернувшись калачиком, а через мгновение обмяк, словно потеряв сознание.

Гу Цзяньфан забыл обо всех сомнениях и бросился к нему. Он уже хотел поднять его на руки, как вдруг Наньшу вцепился в его плечо мертвой хваткой. Гу Цзяньфан поднял голову и встретился с его взглядом, в котором читалось нечто неопишемое.

— Я отвезу тебя в больницу.

Гу Цзяньфан решил, что сейчас не время для объяснений — его волновало только состояние Наньшу, он боялся, что с ним случится беда. Но Наньшу лишь пристально смотрел на него — это было совсем не то, что он хотел услышать. Он отчаянно сопротивлялся попыткам поднять его, ведя себя крайне несговорчиво.

— Сначала больница, а когда приедем, я всё тебе объясню. Хорошо?

Гу Цзяньфань был вынужден пойти на хитрость, чтобы успокоить его. Он считал, что здоровье важнее всего — это он усвоил еще на примере собственной матери. Поэтому он не мог выносить вида Наньшу в таком состоянии, не мог видеть, как тот причиняет себе вред, а тем более из-за него.

Услышав это, Наньшу немного ослабил хватку. Для Гу Цзяньфаня этого было достаточно, и он тут же подхватил его на руки. Наньшу, казалось, больше не мог держаться — будто вся его стойкость была лишь притворством, и в тот момент, когда его подняли, он окончательно обмяк. Однако он продолжал неотрывно смотреть на Гу Цзяньфаня, боясь, что в следующую секунду тот снова исчезнет и начнет избегать его.

Гу Цзяньфань, видя Наньшу таким, почувствовал невыносимую боль в сердце и искренне раскаялся в своем поведении.

Прогресс задания: 70%

Уровень симпатии: 80%

Уровень очернения: 50%

<http://bllate.org/book/21523/2209495>